

Петр Червински

Гадательный компонент болгарской свадебной песни (сравнительно с русской)

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 2, 71-81

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ZAGADNIENIA LEKSYKALNE

*Петр Червински**

**ГАДАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ БОЛГАРСКОЙ СВАДЕБНОЙ
ПЕСНИ (СРАВНИТЕЛЬНО С РУССКОЙ)**

В обрядовом цикле болгарской свадебной песни обращают на себя внимание структуры, модальное единство которых, проявляющееся ритмически, семантически, интонационно, позволяет предположить существование единого кода внутреннего развития, кода модально-акциональной интенции – «волевой» аспект, по определению В. Тэрнера (1983: 135).

Направленность общей интенции свадебного обряда, по классификации Е. Г. Кагарова (1928: 152–195), вбирает в себя группы предохранительных (профилактических), побудительных (продуцирующих) и историко-правовых действий, различающихся далее по цели и способу. Гадательные в этом ряду оказываются наименее существенными.

Воплощаясь в архаической семантике текста, «волевой» аспект принимает его форму. Заклинательный, наиболее древний модально-волевой компонент, опирающийся на представление о тождестве слова и действия (Зеленин 1935: 507–516), наиболее древний и в свадебном обряде (Колесницкая 1973: 106–121), проявляется и обнаруживается в особом устройстве и вида заклинательных обрядово-магических формулах – обращениях, призывах, пожеланиях, кликаньях (Виноградова 1981: 13–43; Соколова 1982: 11–24).

Гадательный, опирающийся на механизм гадания, имеет собственные формы выражения и, следовательно, может быть обнаружен в тексте. Гадательные формы можно представить на примере загадок и подблюдных песен: единство скрытого предиката гадания, перебор – выбор, троекратность задаваемого, невыраженность и подразумеваемость ответа, ситуативная его обусловленность, вопросно-ответная

* Uniwersytet Śląski.

агентно-контрагентная двуплановость, особая интонационно-ритмическая «гадательная» организованность.

Гадание – это своего рода диалог с отсутствующим собеседником (контрагентом), знаковое воспроизведение ситуации, обобщенная схема которой, получаемая в процессе гадания и уточняемая при истолковании, представляет собой его ответную реплику. Гадательный смысл, как правило, элемент либо знак элемента мира.

Однако гадательный компонент «волевого» аспекта (модального значения) обрядовой песни отличен от действия гадания и от гадания как ритуально-обрядового проявления (Тэрнер 1983: 47–69; Байбурин 1977: 123–130) Отличен семантически, по структуре и виду. Их объединяет общность семантической установки на неопределенность и цель – снять неуверенность, перевести неизвестное в известное, сделать видимым невидимое. Формы же, место и роль того и другого различны.

Если гадание как действие предполагает структурную и предикатную отмеченность элементов, то гадательный компонент как показатель модальности обнаруживается в совокупности признаков, в особой внутренней организованности ритма, семантики, интонации, в характерной модальной напряженности текста.

Гадательность, о которой здесь говорится как об интенции, проявляет себя как внутренняя установка «субъекта» текста на ожидаемость – субъекта в понимании Э. Бенвениста (Benveniste 1966). Сомнение, неуверенность в благе и его желательность – вот то, что составляет ее смысл. Гадательность проявляется в желании узнать, что будет, в стремлении успокоить и показать, что **хорошо**, однако при неполной убежденности.

Это внутренняя модальность текста, и как модальность, следовательно, ее необходимо воспринимать и рассматривать. Совпадения с ритуалом гадания, если таковые обнаружатся, будут структурно-внутренними, но не структурно-формальными.

Заклинательность, проявляясь как ведущий волевой компонент русской свадебной песни, как ее модальность, предполагает иной вид, иное значение и структуру. Модальное направление русской свадебной песни исходит из того, что все хорошо, – смысл же произносимых слов и производимых в обряде действий состоит в том, чтобы закрепить его и усилить, снять возможность влияния дурного, оградить себя от него.

Смысл различия двух модальностей можно представить в формулах «реальное как желаемое» (болгарская), «желаемое как реальное» (русская). И в том и в другом случае проявлена интенция заклинательности, но заклинательности различной по существу.

Развития в песнях двух разнонаправленных значений не параллельны друг другу, различны по месту проявления в обряде. Опираясь на пять

этапов архаической инвариантной схемы свадебного обряда (Гура 1973: 72–88), типы гадательной модальной структуры болгарской песни можно рассматривать в последовательности: сватовство (I), до свадьбы (II), перед свадьбой (III), в день свадьбы (IV) и после свадьбы (V).

В болгарской песне модальное значение гадательности последовательно отражает семантику пяти этапов обряда.

I. Не полностью определенное начало, зачин свадебного действия, призыв к объединению двух в одно (*песни на годежа* / °обручения, помолвки°):

Гора се с гора ставила,
вода се с вода ставила,
два са се свата ставили,
два свата като два брака,
та си иманье измежаха,
та заедно си търгуват
по тая равна планина...¹ (304)

Лес с лесом собрался,
вода с водой собралась,
два свата собрались,
два свата как два брата,
и добро свое смешали,
и вместе торгуют
на той гладкой горе...

Неуверенность в совершении, сомнения и желательность, характерные для этого этапа, отражаются структурно и семантически: гости пришли – хозяина нету; невеста сомневается в том, что достойна:

Госте ми са дошле,
госте годежници.
На конак паднали
у Вутя чорбаджи.
Вутя тука нема... (302)

Гости мои пришли,
гости сваты.
На двор попали
К Вуку господину.
Вука тут нету...

Девојка майка годява...
девојка плаче...
не годявай ме...
че съм се малко, глупаво...
не мога диван да стоя²...
камо ли икрам да чина... (302)

Девицу мать обручает...
девица плачет...
не обручай меня...
ведь я мала, глупа...
не умею стоять с почтением...
не то что почет (честь) доставить...

Неуверенность, сомнения и желательность проявляются ритмически и интонационно, в контрастных расположениях, диалоговом построении реплик сомнения, беспокойства, неизвестности и успокоения, убеждения. Интонационное движение неуверенности, поиска постоянно ощущается в песне – *как будет? что будет? так, не так?* Для обретения спокойствия, равновесия необходимо подкрепление со стороны, вторым голосом:

¹ Иллюстративный материал цит. по кн.: (Иванова, Живков 1981), с сохранением всех диалектных форм, принятых в источнике. В скобках указана страница источника.

² *Стоя диван чапраз* – стоять в подобострастной позе (со сложенными на животе руками); *чапраз* – серебряная пряжка на женском поясе.

– Върни се, калино,
върни се, малино,
не съ лоши йора (?)
госте годежници. (302)

– Вернись, калина,
вернись, малина,
они не плохие (?),
гости сваты.

– Пристани, момне, пристани...
дивана да ти откупа...
икрама да ти исчина... (303)

– Согласись, дитя, согласись...
почтения тебе выкуплю,
чести тебе доставлю...

Функция знаков-символов состоит в подтверждении необходимости и неизбежности ожидаемого. В том, чтобы успокоить, снять сомнение. В намерении убедить в реальности:

– Довечер ще, мамо, да дойдат
змейове с бели атове. (304)

– Сегодня вечером, мама, придут
змеи на белых конях.

(Змей – регулярный символ, знак, обозначение чужого, чуждого, потустороннего, потенциального жениха. Ср. в другой болгарской песне:

Мене ма, мамо, змей либи,
либи ме, ама не води

Меня, мама, змей любит,
любит меня, но не ходит.)

В том, чтобы подкрепить уверенность скрытой формулой так – не так:

– Я збирайте се сватове...
Кога натамо пойдооме,
вишни и трешни цъфтеа,
кога се оттам върнааме,
вишни и трешни узрели –
сваи клонете кършеа,
на булка венец правае. (305)

– Собирайтесь-ка, сваты...
Когда туда пойдём,
вишни и черешни цветут,
когда оттуда вернемся,
вишни и черешни поспели –
свои ветви ломают,
на молодую венец готовят.

II. Призыв, неуверенность (поиски, хождения, вопрошения) первого этапа сменяются действиями, модальное значение которых состоит в том, чтобы подкрепить уверенность, утвердить реальность и несомненность совершающегося в обряде. Это проявляется как смысл обрядовых действий: *приготване на сватбените хлебове* / 'приготовление свадебных хлебов', *сеене на жито* / 'просеивание муки', *месене на тесто* / 'замешивание теста', *печение на кравае* / 'печение каравая'. Это же проявляется в семантике и устройстве песен.

В модальном развитии наблюдается последовательность: чем дальше продвигается действие обряда, чем больше производимых действий, тем более растёт уверенность, тем несомнительнее предстает реальность события.

Гадательность особенно ощутима в начале. Действия носят характер проверки на истинность отношения, достоверность факта:

Дайте сито и ситно решето,
да просеем юнакови двори,
да найдем юнаково пръстен,
да питаме юнакова маля
играе ли юнаково сърце. (307)

Дайте сито и частое решето,
просеем молодца двори,
найдем молодца кольцо,
спросим молодца мать,
играет ли молодца сердце.

Засели са девет сита,
девет сита копринени,
че присели сячка гора,
едно дърво останало,
на дървото люлка вейка.
Че кой седи в люлката?..
Който мина се га люлка... (307)

Засели девять сит,
девять сит шелковых,
да просеяли все леса,
одно дерево осталось,
на том дереве качели качаются.
А кто сидит на тех качелях?..
Кто проходит мимо качелей...

В песнях можно выделить действия различные по модальности.

1. Совершаемые с целью уверить в надежности намерений стороны:

... да найдем моминия пръстен,
да го пратим на малка девойка,
да са готви рано вав неделя...
(306)

... как найдем мы девичье кольцо,
как пошлем его маленькой девушке,
пусть готовится утром в воскресенье.

2. С целью поправить нарушенную уверенность, преодолеть возникающее препятствие к совершению:

Играла йе...
мома с момка...
на егрище...
на зло място...
Загубили...
моми гривня...
момку пръстен...

Играла е...
девица с молодцем...
на игрище...
на злом месте...
Потеряли...
девицы браслет...
молодцу кольцо...

– Донесете... ситно сито,
да пресеем... прах и пепел,
да найдем... моми гривня...
момку пръстен. (306)

– Принесите... частое сито,
просеем... пыль и пепел,
найдем... девицы браслет...
молодцу кольцо.

3. С целью убедиться в надежности обоюдных действий:

...да питаме...
играе ли юнаково сърце.
– Игра, игра, един Бог да знае,
като вран конь в зелено левагье.
...да питаме...
играе ли моминото сърце.
-- Игра, игра, един Бог да знае
като рыба у студена вода. (307)

...спросим...
играет ли молодца сердце.
– Играет, играет, один Бог знает,
как ворон конь в зеленом лугу.
...спросим...
играет ли девичье сердце.
– Играет, играет, один Бог знает,
как рыба в студеной воде.

4. С целью убедить в несомненности выбора (из многого – одно):

...идно дърво останало,
идно дърво дафиново,
под дървото сиво стадо,
Марко фоди из стадото
да избира вакла овць,
Чи ни избира вакла овць,
най си избра бяла Стояна. (308)

...одно дерево осталось,
одно дерево лавровое,
под деревом серое стадо,
Марко ходит по стаду,
выбирает овцу с черными пятнами около глаз.
Что не выбирает овцу с черными пятнами
около глаз,
а выбрал себе белую Стояну.

5. С целью убедить в совершаемом как непреложном:

Засяваме, запяваме...
тази вечер на ергеня...
утро вечер на момата...
Напекло е ясно слънце...
израсла е тънка иль...
Кой как мина, отчупи си...
Иван мина, отскубна я...
посажда я в бащин двори... (308)

Засееваем, запеваем...
этим вечером на молодца...
завтра вечером на девицу...
Нагрело ясно солнце...
выросла тонкая ель...
Кто ни пройдет, отломит...
Иван пройдет вырвет ее...
посадит ее на отцовском дворе...

Последний тип подготавливает переход к модальности третьего этапа обряда – модальности подтверждения факта. Вместе с тем для второго этапа характерны модальные проявления первого: призыв к объединению, из двух – одно:

Провикнала са е момковата майка
до сваа си, до момина майка:
– Аз си имам, свао, сина сив сокола
ти си имаш, свао, мома еребича,
а да са сватиме, а да са сродиме! (313)
призыв → неуверенность

– Дойди, дойди, бел Босильче мой!
– И да дойда, къде ке те найдам?
– Ке ме надиш майкини пазуи,
ке ме надиш таткини skutей,
ке ме надиш братои дворои (312)

Сокол лита низ тесни клисури,
литеаки сокол, прашеаки,
и питаше далек ли са,
далек ли са момините двори.
Они му ведат и говорят:
– Ни са далек, ни са яко близу;
тука поят момите,
и си месят танка плетеница,
тука поят, у момчево се слуша. (313)

Прокричала молодца мать
свахе своей, матери девицы:
– У меня есть, сваха, сын, серый сокол,
у тебя, сваха, девица куропатка,
породнимся, сосватаемся!
→ **снятие:**

– Приходи, приходи, белый мой Васильче!
– А приду, где тебя найду?
– Найдешь меня у матушки за пазухой,
найдешь меня у батюшки в подоле,
найдешь меня у брата на дворе

Сокол летает по узким ущельям,
летая, сокол, поднимая пыль,
спрашивал, далек ли,
далек ли девичий двор.
Они ему, отвечая, говорят:
– Не далек, не так, чтобы близко;
тут поют девушки,
и месят тонкую плетеницу,
тут поют, у молодца слушают.

Таким образом, для первых двух этапов можно выделить две структуры гадательного компонента: **призыв два → одно и действие, приводящее к снятию сомнения**. Акценты и вид каждой, в зависимости от песни, места в обряде, последовательности модального развития на переходе от неизвестности, неуверенности к уверенности и совершению различны.

Инвариант первой функции можно представить как повторность, в отдельных случаях редуцированную: **два, два и одно, два и вместе, с призывом соединить, собрать, встретить**. Инвариант второй разворачивается в последовательности пяти предикатов; **действие – нарушение (нарушенность) – сомнение (неуверенность) – действия по преодолению (подкрепление) – снятие сомнений, уверенность, успокоение**. Соотношение предикатов значимо и образует медиативное течение от начала (импульса) к завершению в кольцо:

действие-начало → нарушение ожидаемого → снятие сомнений

↓ ↓ ↓

сомнения, неуверенность – действия для уверенности (подкрепления)

Семантика отдельных текстов второго этапа обряда отражает модальный компонент общего движения на каком-то его повороте, к каком-то ходе. Общая тенденция модального развития этапа – от неизвестности, действий модальной неопределенности к определенности, обретению, достоверности.

III. Модальность этапа состоит в подтверждении события, в уверении «так есть». Характер производимых действий имеет целью не проверить, а закрепить и усилить очевидность и истинность совершаемого. Как и для предыдущих этапов, для третьего характерно движение от вопроса о действии «не то ли делает, так ли?» к утверждению «делает, делают вместе, не то, а то делают».

Повторность вопросно-ответных реплик, символы-знаки свершения, акцентация смысла действий (что-то делается – для чего?) как действий свершения, готовности, неотвратимости, – все это усиливает и проявляет модальное значение третьего этапа как этапа подтверждения факта, как модальность уверенности. Действия призваны закрепить ее, подтвердить как неопровержимую.

Разновидности действий:

1. Что-то произошло от, нарушилось от действий = знаков приготовления, знаков обряда:

Защо си горо повяхнала:

– девойка е боса поминала...
да нахъне росна детелина,
да нахрани зетьовата коня,
да са готви рано вав неделя...
за млада зетя (314)

Почему лес повял?

– девица босая прошла...
накосить росистого клевера,
накормить зятя коня,
приготовиться утром в воскресенье...
за молодого зятя

Повяхнал дуб и пролистнал сухар:

– мъгла попадна,
до сама земля;
на тои двори
две слънца греят (315)

Повял дуб и покрывлся листвою сухой (сухой дуб):

– мгла пала,
до самой земли;
на этом дворе
два солнца греют

2. То, что делается, то, что происходит, есть знак свершения:

Изграло е слънце ясно
у Даньови равни двори;
то не било ясно слънце,
най ми било алян байрак (319)
Крагуй стои... на фуруглица...
– Слезе, крагуй... от фуруглица,
ке те дадим... крава с тельо...
овца с ягне...
на ми не сляза (320)

Взыграло ясное солнце
на Дановом (Богдановом) ровном дворе;
то не было ясное солнце,
то было алое знамя
Ястреб сидит... на знамени...
– Сойди, ястреб... со знамени,
дадим тебе корову с телёнком...
овцу с ягненком...
но он не сходит

знак совместности:

Наемнал се е младоженък...
със млада невеста...
юкачиле се,
йоткинале й «златна ябълка» (319)

Нанялся молодой...
с молодой невестой...
взобрались,
достали его «золотое яблоко»

3. Вопрос проверки и утверждения; то, что делается, есть знак готовности:

Крагуй долете, девойку...
шу да гу дариме?..
– Да гу дариме...
сас червен чембер,
сас бел тестемель.
– ...излял ли си... момку,
златан порстень?
– Излял...
– Исплел ли си...
гайтанят?
– Исплел. (320)

Ястреб долетел, девица...
будем дарить его?..
– Будем дарить его...
красной косынкой,
белым платком.
– ...вылил ли ты себе, молодец,
золот перстень?
– Вылил...
– Сплел ли себе...
шнур (галун)?
– Сплел...

4. Знаковый смысл совершаемых действий – в очевидном соответствии факту обряда:

Тука се вие... зелен венец. Па дотече... мътна вода, па донесе... росно цвете, да се вие... зелен венец. (322)	Здесь плетут... зеленый венок А дотечет... мутна вода, а денесет... росистый цветок, пусть плетут... зеленый венок.
---	--

5. Проверка на убежденность:

Вяла кума... три шарени венка: еден венок... други венок... трети венок... та ке иде кума да венчава (323)	Плела кума... три разноцветных венка: один венок... другой венок... третий венок... да пойдѣт кума венчать
---	---

Третий этап, более, чем другие, в модальном отношении имеет знаково-подтверждающий характер. Знаки как обрядовые – *украсяване на сватбеното знамене* / 'украшение свадебного знамени', *виене на венците* / 'плетение венков', *редене на кумовото дървца* / 'обряжение деревца посаженного отца', *плетене на невестата* / 'заплетение косы невесты', *бръснене на младоженеца* / 'бритьё молодого', – так и песенно-текстовые – *изгряло е ясно слънце* / 'заиграло ясное солнце', *израсло дърво високо* / 'выросло высокое дерево', *цъфнало бел-червен трендафил* / 'расцвела бело-красная роза', *крагуй долете* / 'ястреб прилетел', *трепери бяла коприна пред свекор и пред свекърва* / 'дрожит белый шелк перед свекром и свекровью', – имеем в первую очередь утвердительный, закрепляющий, удостоверяющий смысл.

Повторность как очевидность проявляется в ритмическом и интонационном оформлении песен. Обряд предстает в развернутом и несомнительном виде, в развитии. Твердость, уверенность фразового движения, утвердительная, а не искательная вопросительность, поступательность, плотность ритма, многотактовость движения фразы (**не два, два и одно** ← → **перепад** → движение, как для первого) – вот то, что характеризует интонационно-ритмический облик модального значения третьего этапа.

Четвертый и пятый этапы проявляют модальность факта, т. е. модальность реальности в различных ее оттенках и значениях. Гадательный компонент как таковой не присутствует. Действия обряда, семантика фрагмента песни направлены на устройство и регуляцию отношений сближения, соединения, принятия в новый род. Модальность факта свадьбы уступает место модальности другого события. Ведущими становятся другие компоненты модального значения.

Сопоставление с русской свадебной песней приводит к мысли о национальном своеобразии модального оформления обряда. Развитие модальных значений, сама модальность, при сходстве некоторых других семантических составляющих, у болгарских и русских свадебных песен не совпадают. Для болгарской песни характерно развитие модального значения гадательного компонента от неуверенности, сомнения к растущей уверенности и подтверждению реальности факта (модальность растущей уверенности):

I	II	III	IV–V
Призыв неуверенность неизвестность	Необходимость подтверждающих и подкрепляющих действий	Действия – подтверждения	Действия – совершения: соединение, принятие в род, сближение
усиление уверенности			реальность факта

Модальность русской свадебной песни утвердительно, поскольку реальность событий не вызывает сомнений. Развитие получает в первую очередь желательный (желательно-заклинательный) компонент: защита, оберег, ограда (разыгрываемые нежелание невесты, неподготовленность к браку, сожаление, печаль, «незрелость»); констатация достоинств, благополучия, отмеченности рождения, хорошего рода; констатация «пары», «хорошего выбора» (жених в самый раз пара невесте, невеста – хороший выбор); усиление качеств, стремление наделять силой, придать неотвратимость ожидаемому проявлению и действиям жениха.

Все события оказываются втянутыми в движение ожидания – совершения с модальным показателем надвигающейся, растущей неотвратимости как растущей силы. Акцент в русской песне падает не на факт, не на соединение двух родов, не на слияние двух в одно, как в болгарской, а на взаимодействие агента и контрагента, невесты и жениха. Агент (невеста) предстает как ожидающее, пассивное, подготавливаемое. Контрагент (жених) – как ожидаемая активная сила, зрелое, надвигающееся, неотвратимое.

Национальная характерность модального значения обрядовой песни, видимо, не случайна. Из текстов фольклора, как из особенностей устройства лексических значений, из фразеологии, можно вывести неповторимые черты национальной семантики, отражающей своеобразие социальное, историческое, мировоззренческое, – все то, что проявляется в языке, особенностях восприятия мира, особенностях устройства культуры. Несомненный интерес представляет в этом отношении сопоставление фактов близкородственных языков и куль-

тур, фактов общего корня. Развивающаяся модальность, смена и движение модальных значений в структуре обряда, в синхронии и диахронии, могут стать еще одним этноязыковым и типологическим показателем, еще одним основанием сопоставления традиций, культур, языков, этносов.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин А. К.**, (1977), *Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища*, [в:] *Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами*, Москва (о гадании как ритуальном действии).
- Българска народна поезия и проза*, (1981), т. 2: *Обредни песни*, съст. и ред. Р. Иванова, Т. Ив. Живков, София (Сватбени песни).
- Виноградова Л. Н.**, (1981), *Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности*, [в:] *Славянский и балканский фольклор*, Москва.
- Гура А. В.**, (1973), *Опыт выявления структуры северно-русского свадебного обряда (на материале Вологодской губ.)*, [в:] *Русский народный свадебный обряд*, Ленинград.
- Зеленин Д. К.**, (1935), *Магическая функция слов и словесных произведений*, [в:] *Сборник академику Н. Я. Марру*, Москва.
- Кагаров Е. Г.**, (1928), *Состав и происхождение свадебной обрядности*, Сборник Музея антропологии и этнографии, 8, Ленинград.
- Колесницкая И. М.**, (1973), *Простейшие типы русских народных свадебных песен*, [в:] *Русский народный свадебный обряд*, Ленинград.
- Соколова В. К.**, (1982), *Заклинания и приговоры в календарных обрядах*, [в:] *Обряды и обрядовый фольклор*, Москва.
- Тэрнер В.**, (1983), *Гадание и его символика* [О гадании как ритуальном действии], [в:] тот же, *Символ и ритуал*, Москва.
- Benveniste E.**, (1966), *De la subjectivité dans le langage*, [w:] *Problèmes de la linguistique générale*, Paris.

Peter Chervinsky

THE CONJECTURAL COMPONENT IN THE BULGARIAN WEDDING SONGS (COMPARED WITH THE RUSSIAN ONES)

Summary

In the ritual cycle of the Bulgarian wedding songs pay on themselves attention the structures, which modal unity allows to assume an existence of a common code of the internal development, a code of modal-actional intention (the volitional aspect, by V. Turner). The conjecturalness showed itself as an internal predisposition of "subject" of text on expectation.